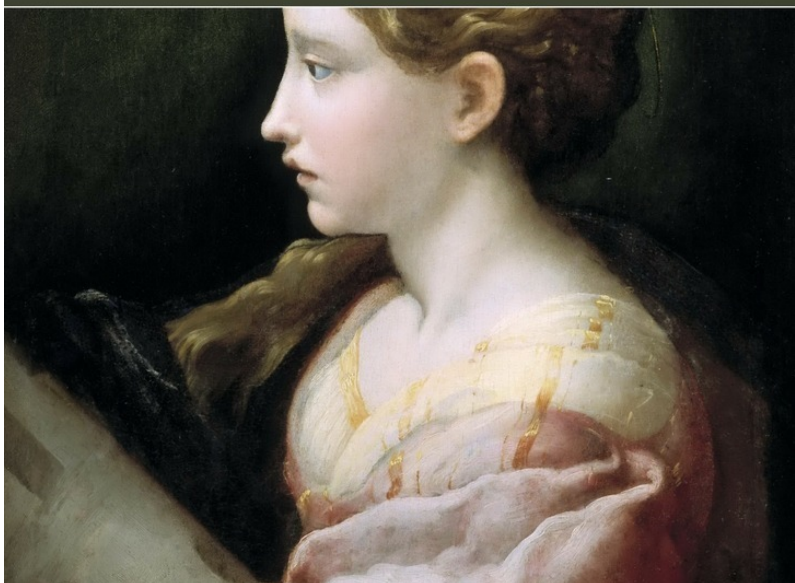

Надежда Синельникова

Время ведьм

сборник рассказов

Надежда Синельникова

Время ведѣм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17189658

ISBN 9785447448394

Аннотация

Мир, который нас окружает, полон необычного и таинственного. Часто мы совсем не знаем тех, кто рядом, а иногда просто не хотим знать. Но если у вас хватит смелости шагнуть за эту тонкую грань разумного и понятного, тогда добро пожаловать!

Содержание

Время ведьм	5
Ридж-холл	5
Ярмарка	12
Беды грядущие	17
Судилище	26
Сестры	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Время ведьм
сборник рассказов
Надежда Синельникова

© Надежда Синельникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время ведьм

Ридж-холл

Мы приехали в Ридж-холл жарким июльским днем. Подъездная аллея вся заросла, и у дома верхушки деревьев смыкались подобно живому зеленому коридору. Я в нетерпении выглянула из кареты. Несмотря на долгую поездку по тряским проселочным дорогам, мне было очень любопытно своими глазами увидеть Ридж-холл, о котором я столько слышала. Дом был небольшим, но крепким; огромные, грубо отесанные камни, из которого он был сложен, давали прохладу даже в жаркий день. Ридж-холл нельзя было назвать красивым, здесь не было ни белых колонн, увитых виноградом и плющом, ни милых беседок у пруда. Заброшенный приземистый дом походил на жилища крестьян, а сад вокруг него был в таком запущенном состоянии, что я засомневалась, найдем ли мы садовника, который сумеет справиться с буйными сорняками и травой. Но этот дом был дорог моему мужу, это было родовое гнездо Риджвиллов, и я уже любила его!

Джон помог мне выбраться из кареты. И вот я стою посреди буйного зеленого великолепия, слегка ошалевшая от свежего воздуха и благословенной тени. Мое черное траурное

платье все смялось, я сняла шляпку, наслаждаясь свежим ветерком. Джон с тревогой спросил, как я себя чувствую. Конечно, он врач, и его беспокойство вполне объяснимо. К тому же после пожара в нашем лондонском доме все относится ко мне чрезмерно ласково и заботливо, словно я пятилетняя малышка, а не взрослая замужняя дама! Я прощаю это только Джону, ибо он один знает, что со смертью моей сестры Сары умерла и часть меня самой. Пожар, унесший ее жизнь, оставил мне страшные глубокие шрамы на щеке, поэтому я ношу густые вуали и избегаю людей. Мне кажется, они все пялятся на мое обезображенное лицо! Нам обоим показалось разумным уехать из города, как только это позволило мое здоровье. Места лучше Ридж-холла было не найти. Джон сжал мою ладонь.

– Вот увидишь, милая, мы будем здесь очень счастливы!

Я улыбнулась ему. Солнце золотило его светлые волосы, он был таким красивым и сильным, мой обожаемый муж, что у меня не было сомнений. Счастье вернется к нам, когда уляжется боль потери, ибо скорбь не должна быть вечной.

Слуга, грубый молодой крестьянин, внес наши дорожные сундуки внутрь. Джон заплатил ему несколько монет и тот поклонился. В этом краю, объяснил он мне, люди тяжело добывают свой хлеб, они суровы и дики, потому что сурова сама жизнь здесь, и этих монет крестьянской семье хватит на целую неделю!

Надеюсь, я не испугал тебя. Но жизнь здесь простая

и не имеет ничего общего с лондонской светской жизнью.

Я только улыбнулась его тревогам. В Лондоне мы с сестрой выезжали лишь один сезон. Вскоре Джон сделал мне предложение, и я стала миссис Джон Риджвилл. Я была бесспорно мила и интересна, но Сара была великолепна! Ее ожидало блестящее будущее, но теперь мне предстояло жить за нас обеих.

Дом внутри оказался очень просторным. На тяжелой грубой мебели лежали чехлы, огромный камин в гостиной весь покрылся паутиной и пылью. Потемневшая от времени деревянная лестница вела на второй этаж, где располагались спальни. На всем лежал отпечаток заброшенности, мне предстояло привести дом в порядок. Несколько поколений семьи Риджвиллов использовали Ридж-холл как летнюю резиденцию, а теперь все здесь пришло в запустение.

Вечером я никак не могла заснуть и вышла в сад. Запущенные деревья и кустарники отбрасывали причудливые тени в призрачном лунном свете, словно диковинные создания из сказок. Но я не боялась. Ридж-холлу предстояло стать моим домом, и я должна если не полюбить его, то привыкнуть. Я стояла у края сада, словно у границы волшебного леса, и вдруг вспомнила Сару. В детстве мы играли в фей в нашей ухоженной аккуратной аллее, где садовник мистер Фолли сердился, что мы мнем траву и ломаем ветки. Как чудесно было бы оказаться здесь, где такой простор и свобода! Я немо заплакала. Сара! Сара! Как мне тебя не хватает!

Легкое движение у дерева сперва показалось мне обманом зрения. До боли напрягая глаза, я вглядывалась в темноту. Лишь на миг мне почудилось, что я увидела тонкую девичью фигуру в белоснежной сорочке. Сара! Обдирая босые ноги о густые заросли терна и шиповника, я бросилась вглубь сада, но под деревом никого не было, только качалась яблоневая ветка. Вопреки здравому смыслу я отчаянно хотела, чтобы это была она! С бешено бьющимся сердцем я стояла в волшебной тишине сада, залитая лунным светом, прислушиваясь к своим обезумевшим мыслям. Снова одна! Я вся продрогла и зябко обхватила себя руками. Ночь выдалась холодная. Как воришка, я прокралась назад в дом, осторожно поднялась по лестнице в нашу спальню. Джон крепко спал, раскидав руки по широкой кровати, от моих осторожных шагов не сбился даже ритм его дыхания. Я закрыла окно и украдкой бросила взгляд в сад. В тишине я глухо вскрикнула. На этот раз мне не показалось. У широкой изгороди стоял тот крестьянин, что помогал нам с вещами. Он не отрываясь, жадно смотрел на меня, и я поспешила отойти от окна.

Утром, при ярком солнечном свете вчерашние события уже не казались такими пугающими. Должно быть, я перенервничала и устала с дороги, и еще не переболела Сарой... А крестьянин верно работает в саду. Я постаралась поскорее забыть об этом, тем более, забот у меня хватало. Нужно было привести в порядок дом, найти хорошего садовника

и нанять несколько человек для работы в усадьбе. Несколько дней прошли в приятных хлопотах. Три молодые крестьянские девушки отмыли дом сверху донизу, все сияло чистой, полы были натерты воском, посуда блестела в солнечных лучах, новые занавески колыхались на окнах. Ридж-холл уже не выглядел таким запущенным. Сад тоже преобразился. Я решила не стричь деревья, садовник просто посеял новую траву и очистил сад от сорняков. Мне нравилась свобода, с которой росли здесь деревья, широко раскинув зеленые руки. Мне самой не хватало ее в столице, и теперь я наконец дышала полной грудью! Я не признавалась самой себе, но мне не хотелось менять то место, где я видела или мне казалось, что видела, свою погибшую сестру.

Джон с улыбкой смотрел, как я хлопочу по дому. Я сменила свои траурные платья на простые домашние кофты и юбки, оставив лишь черную косынку на плечи.

– Деревня пошла тебе на пользу, Мари, – сказал он, лаская взглядом мой профиль. Я переставляла посуду в буфете, повернувшись к нему не тронутой пожаром стороной.

– Мне нравится здесь, Джон. Но крестьяне...

Я не знала, как выразить то, что меня угнетало. Девушки, прибиравшиеся в доме, угрюмый садовник и конюх... все они исподтишка разглядывали меня, шептались за моей спиной и замолкали, стоило мне войти в комнату... Люди здесь выглядели одинаково: темноволосые и смуглые от работы в поле. Мои ярко-рыжие волосы и бледная кожа каза-

лись им чем-то диковинным и ненормальным. Я чувствовала волну неприязни, но Джон ничего не замечал. И, так как я не сказала ему о случае в саду, то промолчала и об этом.

Вечером, когда мы садились ужинать, в двери постучали. На пороге стоял старик в поношенной одежде. Он умоляюще смотрел на моего мужа.

– Вы должны пойти со мной! Мой сын... он заболел... он – наш единственный кормилец! Вылечите его!

Джон торопливо собрался и ушел, а я осталась у теплого камина за пустым столом дожидаться его. Огонь потух, я незаметно для самой себя уснула в кресле. Мне снилась буря. Она трепала верхушки деревьев, лил дождь. За окном, в саду, стояла одинокая белая фигурка, продрогшая от холода. А разве призракам бывает холодно? Она слабо скребла оконное стекло, безмолвно заклиная впустить ее в дом... Я смотрела на нее с гулко бьющимся сердцем, испытывая одновременно и ужас, и радость. Сара!

Я проснулась, долгую минуту не понимая, где закончился сон и началась реальность. Дверь осторожно открылась и вошел Джон. Вода стекала ручьями с его плаща и сапог.

– За окном настоящий потоп. Не надо, Мари! Ты промокнешь и заболеешь. – он отстранил меня, стягивая перед камином мокрую одежду.

– Что там случилось? – спросила я.

– Лихорадка! Староста, его отец, вызвал меня слишком поздно. Они зовут врача, лишь если не могут справиться са-

ми, с помощью корней, трав и заговоров, – с горечью ответил он. – А когда кто-то все же умирает, винят врача...

Сына старосты похоронили на старом маленьком кладбище. Собрались все окрестные жители. Женщины голосили, а сам староста неотрывно смотрел на меня. Мы с Джоном стояли в стороне. Старенький священник быстро прочитал надлежащие молитвы, перекрестился и пробормотал: «Убереги нас, Отец небесный, от колдовских деяний и ведьминской ворожбы...» «Аминь» – послушно закончили крестьяне. Мне стало жутко. Солнце скрылось в тучах, казалось, разом спустились сумерки. А мы все находимся не в цивилизованной развитой стране, а в темном средневековье с его полубезумной верой в дьявола и колдовство.

Тем не менее, я тоже подошла к могиле и положила на свежий холмик цветы. Они в изобилии росли в нашем саду и показались мне очень красивыми. Крестьяне перешептывались за моей спиной. «Это чертоцвет! Самый излюбленный ведьмин цветок...» – услышала я, и уже не оглядываясь, подгоняемая неясным страхом, пошла к Джону.

Ярмарка

Несколько дней лил дождь, и я бесцельно бродила по дому, перекладывая вещи и переставляя книги на полках. В основном это были тяжелые медицинские трактаты Джона, попадались среди них и книги о лечебных травах, и один потрепанный фолиант «О пользе кровопускания». Их я торопливо ставила на место, потому что от подробных картинок и описаний человеческих увечий мне становилось жутко. В доме нашлось и несколько томиков хороших стихов, видимо, принадлежавших кому-то из леди Риджвилл. Я сидела перед камином, погруженная в иллюзорный мир поэзии, когда в дом вошел Джон. Стоило ему появиться в комнате, и она словно менялась, все вокруг оживало, заражаясь его кипучей энергией, слуги делали свою работу быстрее, солнце выглядывало из-за туч и наполняло комнату золотистым светом. Он сам не осознавал этого, но его все любили.

– Завтра в Кранберри будет ярмарка, – как бы между прочим сказал он, стаскивая тяжелые мокрые сапоги. – Не хочешь поехать?

– Дождь льет как из ведра! – я подала ему сухую рубашку, заботливо прогретую у камина, любуясь его стройным сильным телом.

– Завтра будет солнечный день, – заметил Джон с присущей всем здесь способностью по малейшим приметам без-

ошибочно определять погоду. – К тому же ты нигде, кроме поместья, не бывала, а места здесь очень красивые!

– Мне нечего надеть! – сделала я последнюю попытку, на что он лишь рассмеялся.

– Все одеваются на ярмарку просто, уверен, наверху что-нибудь найдется!

Вечером я долго ворочалась с боку на бок. Меня наполняло предвкушение праздника. Как долго в моей жизни было одно горе, сперва острое и отчаянное, потом постоянное, омрачающее малейшую радость. Но мне всего семнадцать, и я радовалась, как дитя, предстоящему празднику!

Джон оказался прав, небо с утра было яркое и безоблачное, солнце уже высушило дорогу, воздух звенел от жужжания пчел и стрекота цикад. Он был в простой белой рубашке и брюках. Я нашла еще вечером в сундуке наверху целый ворох пестрых юбок и просторных белых блуз. Сперва я хотела оставить свою траурную черную юбку из плотной жесткой ткани, но передумала. Сегодня я буду веселиться! Я спустилась вниз, шелестя широкой яркой юбкой, белая кружевная блуза была в моде, наверное, лет двадцать назад, но мне она все равно нравилась! Взгляд Джона загорелся, когда он увидел меня.

– Ты выглядишь, как миленькая молоденькая селяночка! Придется не отпускать тебя на ярмарке ни на шаг!

Я зарделась от этого простого комплимента. Сегодня будет превосходный день!

На поле, отведенном под гуляния, былолюдно, несмотря на ранних час. У входа стояли простые деревянные столы, на которых были разложены товары. Мы обошли овощи и спелые яблоки, у прилавка со сдобой мы купили себе сладких булочек с молоком, и съели их прямо на улице, обжигая пальцы и смеясь. Потом Джон повел меня смотреть лошадей. В Кранберри была своя конюшня, но я не представляла, что здешние любители выращивают таких прекрасных лошадей! Животные были привязаны в загоне, им было тесно и жарко, они кусали друг друга и беспокойно ржали. Мне сразу приглянулся угольно-черный жеребец с сильными длинными ногами. Он злобно косился на людей и прядал ушами. Я подошла к нему, не испытывая ни страха, ни колебаний. Я стояла рядом, едва доставая ему до холки, и нежно, успокаивающе поглаживала беспокойное животное по гладкому черному боку. Он только дрожал крупной дрожью, но не делал попыток лягнуть или укусить меня. Джон и еще несколько человек с испугом смотрели, как я глажу животное.

– Мари, что ты делаешь? – очень спокойно спросил мой муж. – Это необъезженный жеребец, немедленно отойди, пока он не зашиб тебя!

Зная Джона, я понимала, как он испугался за меня, таким спокойным невыразительным голосом он говорил со мной лишь однажды, когда я очнулась после пожара. Поэтому я послушно отошла в сторону, потрепав его напоследок по шее.

– Это чудесный жеребец! Джон, давай купим его! – не знаю, что заставило меня произнести эти слова, но, как только я сказала это, поняла, что хочу ездить на нем верхом, что он будет только моим и ничьим больше...

– Он не продается! – крепкий приземистый мужчина с хлыстом в руке враждебно посмотрел на меня.

– Зачем тогда вы выставили его среди лошадей на продажу? – спросил Джон. Голос его был все таким же спокойным, но я уловила нотки гнева и поспешила взять его под руку.

– Правда, Джон, я не подумала, зачем мне еще лошадь, ведь у меня есть Молли...

Но разве могла сравниться тихая гнедая кобылка с этим великолепным норовистым жеребцом! Уходя, я оглянулась, прощаясь с ним так, будто он все понимал.

– Хочешь, я куплю тебе другую лошадь? – спросил немного погодя Джон, но я лишь покачала головой. С тем жеребцом у нас возникла... связь. Как будто я понимала, как ему здесь плохо и страшно...

Мы миновали прилавки с конской упряжью, изящными уздечками и седлами, и тут нам на глаза попался щенок. Он, верно, потерялся, и теперь жалобно скулил, тыкаясь в ноги проходящих мимо людей. Джон с улыбкой поднял его и протянул мне.

– Возьми его себе, тебе с ним не будет так одиноко в доме. Я глянула на рыжеватый комок у него в руках и кивнула.

– Я назову его Крамб.

В той части ярмарки, куда мы попали, вовсю шло веселье. Несколько человек наигрывали простую мелодию, под которую уже танцевали молодые пары, широкие разноцветные юбки взлетали в такт музыке, сапоги притопывали в пыли. Мы остановились посмотреть на танцующих, музыка так увлекла меня, что я не заметила, как хлопаю в ладоши. Я повернула к Джону сияющее разгоряченное лицо и замерла на полуслове. На самом краю поля, у леса, я увидела одинокую фигурку в белой сорочке. Она протянула ко мне руки и что-то сказала, но в шуме ярмарки я ничего не услышала. Сара! Я подхватила подол платья и помчалась через поле. В ушах у меня свистел ветер и неистово колотилось сердце. Сара! Постой! Не оставляй меня! Я остановилась, зацепившись юбкой за колючий кустарник, и тут услышала, как меня зовет Джон.

– Мари! – я растерянно смотрела на край поля, где минуту назад меня звала Сара. Там никого не было. Грудь болела после моего сумасшедшего бега, я с трудом перевела дыхание, чувствуя, как подкашиваются от усталости ноги. Я так и стояла, пока со мной не поравнялся Джон. Он легко поднял меня на руки и понес через толпу, провожающую нас молчаливыми взглядами. Но в последний момент я все же разобрала, что сказала мне Сара. «Отпусти меня...» – шептала она. В коляске я забилась в самый угол. До дома мы доехали молча, только чуть слышно скулил Крамб, прижимаясь мокрым носом к моим израненным ногам.

Беды грядущие

Дома я сразу поднялась в спальню, страшась расспросов Джона. Что я скажу ему? Что настолько обезумела, что мне везде мерещится Сара? Я ни разу не солгала ему с момента нашего знакомства! Не хочу лгать теперь! Он долго сидел в гостиной, я слышала, как открывается дверца буфета и ё звенит стекло, он наливал бренди. Наконец Джон поднялся наверх. Он сел на край кровати, взял мою ледяную руку и поцеловал.

– Мари, скажи мне, что происходит?

Я собралась с духом.

– Мне показалось... там, на ярмарке, что я видела Сару... – и поспешно добавила, глядя, как изменился в лице Джон, – то есть, мне показалось, что это кто-то, похожий на нее...

Ну вот, теперь начнутся расспросы и снова эти озабоченные взгляды и беспокойство о моем состоянии... Но Джон ничего не успел сказать. В холле тонко залился лаем Крамб, и в тяжелую дверь кто-то постучал.

Джон спустился и минуту переговаривался с пришедшим. Я услышала только обрывки фраз «Срочно доктор!» и «У нее лихорадка». Торопливо, почти не глядя в мое белое испуганное лицо, Джон собрал свой саквояж и ушел в деревню.

Я прождала его до глубокой ночи. Он вернулся хмурый

и осунувшийся. Я кое-как разогрела ему ужин.

– Плохо дело, – ответил он на мой молчаливый вопрос. – Лихорадка начинается внезапно и если промедлить с лечением, человек просто сгорает... Сегодня я был в пяти домах, и везде больные почти при смерти... меня зовут слишком поздно! Завтра я навещу других сам. Боюсь, моим пациентам нужен не я, а священник.

Но наутро за ним прислали экипаж из Кранберри. Я осталась завтракать в одиночестве, молясь, чтобы это был какой-нибудь перелом, только не лихорадка!

Я задремала в гостиной. Должно быть, в Кранберри тоже случилась беда, потому что Джон не появился и к обеду. Я тихонько встала и хотела уже зайти в столовую, когда услышала голоса служанок. Они убрали со стола нетронутые приборы.

– Сегодня можно было не накрывать на стол, доктора не будет, должно быть, до ночи... В городе после ярмарки столько народу заболело!

– А вчера еще веселились... – одна из девушек замолчала и осенила себя крестным знаменем. – Говорят, на округу навели порчу, вот люди и мрут...

– Да кто говорит, Билл Тиддел? Его только слушать! – воскликнула вторая, с грохотом ставя на стол тяжелую супницу. – Бедняга был трезв только в день, когда появился на свет божий...

– Может, оно и так, да с женой доктора Джона что-то

неладно, ей мертвые грезятся! Моя кузина была на ярмарке и говорит, она разговаривала с покойниками! И глаз у нее злой... она вчера лучшего жеребца Тода Моссби хотела купить, дикого, черного, как сам Сатана... а Тод не продал. Так она пошептала что-то, и бедная животина ночью пала...

Дальше я не слышала. Я вся дрожала от гнева и обиды. Я ничего им не сделала, не нагрубила, всегда была вежлива, а они распускают эти мерзкие сплетни в моем собственном доме! Я громко хлопнула дверью, наслаждаясь их минутным замешательством. Потом старшая сказала, поправляя складки цветастой юбки:

– Ужин подавать, мисс Мари?

Она с вызовом посмотрела на меня.

– Мисс Хэвиш, я вынуждена рассчитать вас, – голос мой дрогнул, но я не отвела глаза. – Причины, надеюсь, вам вполне ясны. Вам будет заплачено за неделю вперед, но рекомендаций я не дам.

Она продолжала теревить юбку, в голосе ее звучала неприкрытая неприязнь и обида.

– А причина мне хорошо известна, миссис Риджвилл! Я-то знаю, знаю, кто вы есть на самом деле! Но я молчать не стану! И это не вы меня выгоняете, я сама уйду! Негоже работать в таком дурном доме... Пойдем, Бэтти!..

Вторая девушка, совсем еще молоденькая, вся сжалась, метнув на меня испуганный взгляд, и проскользнула мимо.

– Простите... – прошептала она, старательно избегая мо-

его взгляда. Я беспомощно стояла и смотрела, как они надевают тяжелые плащи и уходят. Я осталась одна в Ридж-холле, и мне было страшно.

Джон вернулся уже в сумерках. Дом был притихший и темный, камин потух. Я зябко куталась в шерстяную шаль, не зная, как скажу Джону про слуг. Но он побывал, видимо, в деревне и уже все знал. Он крепко обнял меня, и я вдруг разрыдалась. Вся горечь сегодняшнего дня, все одиночество и тоска по Саре вылились отчаянными слезами. Он гладил меня по спутанным волосам и тихо повторял:

– Ничего... ничего...

Утром мы позавтракали тем, что нашли на кухне. Джон хотел переговорить с Сэлли Хэвиш и нанять других девушек. Он уехал рано, а я осталась с Крамбом в пустом доме. Впервые он показался мне холодным и неуютным. Я вспомнила, как неделю назад мы приехали сюда отдохнуть, как я радовалась... Теперь мне хотелось поскорее уехать, безотчетная глухая тревога не давала мне покоя. И я решила, как только вернется Джон, поговорю с ним, я больше не хочу оставаться в этом доме!

Но, к моему разочарованию, Джон передал с сельским мальчишкой, что в соседней деревне тоже есть заболевшие, и он задержится. Он велел мне запереть двери и ложиться спать. Я закуталась в плед, свернувшись калачиком в большом продавленном кресле, Крамб забрался мне на колени, и мы задремали. Сквозь полуопущенные ресницы я виде-

ла, как темнело за окном, но мной овладела какая-то истома. Я подумала о Саре... И вдруг отчетливо вспомнила нас маленьких. Сара, заговорищицки улыбаясь, манит меня в маленький чуланчик под парадной лестницей. На нас обеих красивые накрахмаленные платья, я боюсь испачкать свое, ведь в чулане хранятся только метлы и старые вещи. Сара руками приминает свою голубую юбку, чтобы пролезть в приоткрытую дверцу. Пена кружева цепляется за дверной косяк, тогда она отрывает широкий пласт кружевной нижней юбки и заглядывает внутрь. Через минуту я тоже просовываю голову в узкий проем. Сперва я ничего не увидела, потом различила на полу странный рисунок в виде кривой звезды, смятый листок бумаги и пару восковых свечек. Одна из них затухла совсем недавно и едкий дымок тянулся вверх.

– Что это? – испуганно шепчу я, крепко сжимая ее руку.

– Одна служанка с помощью магии хочет приворожить папиного грума, – азартно шепчет в ответ Сара. Ее горячее дыхание обдает мне щеку. – Но у нее так ничего не выйдет. Я читала, свечи должны быть черные... И вообще, магии не существует!

– Правда? – спрашиваю я, испытывая одновременно и облегчение и какую-то смутную печаль.

– Правда! – уверенно говорит Сара. Она на целый год старше меня, и я ей безоговорочно верю...

Я очнулась глубоким вечером. Крамб тихонько скулил, и я пошла на кухню за молоком. То детское воспоминание

не выходило у меня из головы, я боялась признаться самой себе, что страстно хочу увидеть сестру, хотя бы еще раз! Я налила щенку молока, рассеянно потрепала по пушистому загривку. Наконец, я решилась. Накинув шаль, я вышла в сад. Вечер был холодный и сырой, дул пронизывающий ветер. Верхушки деревьев шелестели и раскачивались. Я быстро дошла до того дерева, где видела Сару впервые. Из глубины сада дом казался уютным и надежным оплотом света и тепла! Усилием воли я подавила желание помчаться без оглядки назад и закрыть все двери на засовы. Не знаю, сколько я простояла, ожидая чего-то... какого-нибудь знака от нее... Но ничего не произошло. Постепенно страшное напряжение отпустило и мне стало даже смешно. Я стою одна в саду и жду, что мне явиться призрак! Нелепо! Я шумно перевела дыхание и медленно побрела к дому. Потом остановилась. Слева, за деревьями, треснула ветка. Это не могла быть Сара, оба раза, что я ее видела, она исчезала и появлялась совершенно бесшумно. Я стояла, прислушиваясь к шуму ветра, и когда уже решила, что мне послышалось, позади меня раздались шаги, кто-то шел, наступая на сухие ветки, раздвигая кусты руками. Затылок закололо иголками от страха. Я обернулась так резко, что чуть не упала. Прямо мне навстречу шел тот крестьянин, которого я видела ночью в саду. Он смотрел на меня с вожделием и неприязнью. Крик замер на моих губах. Он просто шел ко мне, не сводя с моего лица своего тяжелого, липкого взгляда. Я подхвати-

ла юбки и ринулась по тропинке к дому. На бегу я оглянулась, он все так же молча ускорил шаги, а потом побежал, продираясь через кустарники. Я никогда еще не бегала так быстро! Я свернула с тропинки и помчалась через лужайку короткой дорогой, одна туфля соскочила и босая нога пачкалась в росе и мокрой траве. Страх подгонял меня. Запыхавшись, еле переводя дыхание, я вбежала в холл, захлопнула тяжелую дверь и, налегая всем телом, задвинула засов. Потом силы оставили меня, и я стояла, вся дрожа и прислушивалась к тишине за дверью. Прибежал Крамб и стал лизать мне руки. Вдруг он ощетинился и зашелся яростным лаем. Мой преследователь был снаружи, за дверью.

Только спустя полчаса собака замолчала и улеглась перед камином. Я все еще дрожала и никак не могла успокоиться, поэтому, когда, наконец, вернулся Джон, ему пришлось долго барабанить в двери, чтобы я открыла.

Молоко к утру скисло, и я обшарила всю кухню в поисках съестного для Крамба. Но когда я все же нашла пару черствых булочек, его нигде не было. Я громко позвала его и стояла на пороге, ожидая, что сейчас услышу его веселый лай, но щенок куда-то запропастился. Джон вышел поискать его в сад. Я хотела присоединиться к нему, но он преградил мне дорогу. Джон был страшно бледен.

– Мари, не ходи туда, – только и сказал он. Я прошла мимо него, чувствуя, как противный холодок дурного предчувствия расползается внутри. Крамб лежал в куче сухих веток.

Сперва я подумала, что он спит. Но блестящая рыжая шерсть свалилась, у морды запеклись сгустки крови, остекленевшие глаза смотрели на меня с укором. Я глухо вскрикнула. Его убили! Убил тот человек, за то, что бедный Крамба на него лаял!

Джон поднял мертвого Крамба и отнес под дерево, потом пошел за лопатой.

– Подлые, трусливые ублюдки! – проговорил он с бессильным гневом. – Они боятся встретиться лицом к лицу и способны только творить зло безответным животным!

«Или насмерть перепуганным женщинам», – подумала я, но вслух ничего не сказала. Похоронив Крамба, мы зашли в дом, и Джон запер двери.

– Я хочу уехать отсюда! Немедленно! – я была испугана, близость моего молчаливого преследователя приводила меня в ужас.

– Нам нужен экипаж. Я схожу в город...

– Нет! Не оставляй меня одну! – я отчаянно цеплялась за его рукав. – пошли кого-нибудь...

В конце концов за экипажем срочно был отправлен мальчишка, выполнявший обычно просьбы мужа. А мы остались ждать в пустом доме, прислушиваясь к бою часов, который единственный нарушал мертвую тишину. Наступил вечер, но экипаж так и не приехал. Я поднялась в спальню и торопливо начала складывать вещи в дорожный сундук, но руки у меня так дрожали, что я бросила все сборы. Я села на по-

стель, бессильно уронив их на колени, и только тогда заметила на своей юбке пятна крови. Должно быть, мы с Джоном испачкались из-за несчастного Крамба. Я лихорадочно принялась стаскивать одежду, стремясь избавиться даже от памяти о сегодняшнем кошмаре. Холодок предчувствия беды перерос в глухую тревогу, мне казалось, что-то ужасное надвигается! Я подошла к широкому окну и тут же отпрянула. У подъездной дорожки двигались неясные тени. Кто-то запалил ворох сухих веток на краю сада, и в свете занявшегося костра я увидела их лица. Староста и толпа разъяренных мужчин и женщин из деревни. Я беспомощно обернулась к мужу.

– Джон... – мы услышали звон разбивающегося окна и чей-то голос, прокричавший:

– Мы тебе ничего не сделаем! Просто отдай нам ведьму, Джон Риджвилл!

Судилище

В бальной зале было душно от сотен пылающих свечей в тяжелых серебряных канделябрах, добрая половина уже расплавилась, и едкий дым наполнял комнату. Мы с Сарой не танцевали и отдыхали в углу залы, обмахиваясь веерами. Внезапно Сара пихнула меня локтем и усмехнулась.

– А вот и твой поклонник! Смотри, как он оглядывает танцующих, тебя ищет...

Я вся зарделась. Через толпу к нам шел Джонатан Уэсли, барон Риджвилл. Он был высокий и красивый. Хотя мои родители считали, что барон не самая подходящая партия для их дочери, он все равно мне нравился.

– Да не пялься ты на него такими телячьими глазами! Твой вид скоро вынудит беднягу сделать тебе предложение! – рассмеялась Сара. Я нахмурилась. Не далее как вчера на приеме у нас дома я слышала, как досужие сплетницы обсуждали нас с Джоном.

– Конечно, он не граф или герцог, но дочерям Адама Рэнделла выбирать не приходится, – сказала одна из дам, обмахиваясь веером. – Просто удивительно, что ему приглянулась эта мышка, Мари Рэнделл, она же и двух слов в обществе не скажет!

– Ты же знаешь, дорогая, они обе очень странные... моя кузина Лиззи Шеппард, она замужем за их троюродным дя-

дей, рассказывала... – дальше я не слышала. Но всюду нас с сестрой преследовала волна неясных слухов, ничем не подтвержденных, но от того не менее обидных...

И все же он ухаживает за мной! Сара выпрямилась на диване и одернула пышную юбку.

От волнения я слегка задыхалась, корсет слишком туго обхватывал грудь. Шпильки безжалостно впились в голову. Сара что-то сказала, но я не слышала.

– Мари! Да не сиди ты истуканом! Проснись, наконец! – яростно прошептала сестра. – Тебе пора просыпаться!

Я открыла глаза и часто заморгала, но темнота не рассеивалась. Постепенно я привыкла к ней и начала припоминать события этой бесконечной страшной ночи. Когда толпа ворвалась в дом, Джон закрыл меня собой, но его ударили чем-то по голове, а потом, когда он упал, безжалостные грубые руки схватили меня!

Голова ужасно болела, видимо меня сильно ударили. На голых плечах были синяки и ссадины, потрескавшиеся губы распухли и кровоточили. Я, как могла, ощупала себя, и кроме этих ссадин не нашла никаких других повреждений. Я без сил прислонилась к гладкому камню и запрокинула голову. Сквозь ржавую железную решетку я видела затянутое тучами небо, ночь еще не кончилась. Где-то в отдалении капала вода. Мне страшно хотелось пить.

– Эй! Кто-нибудь, пожалуйста!.. – мой собственный голос показался мне чужим и хриплым.

Но никто не отозвался. Меня захлестнула паника. Они убили Джона, а меня бросили здесь умирать! Я попыталась подняться на ноги, но было так тесно, что голова больно ударилась об решетку. «Колодец!» Они бросили меня в старый засыпанный колодец. Я прижалась щекой к мокрой стене и разбитыми губами начала собирать капельки воды, стекающие по его стенкам. Мое пересохшее горло горело и саднило, но я, преодолевая боль, продолжала, пока не утолила жажду. Потом без сил привалилась к стене спиной и окунулась в темноту без сновидений.

Очнулась я от резкой боли в плече. Было утро, солнце уже пригревало. Щурясь от яркого света, я посмотрела вверх. Решетку уже сняли, над колодцем стояло двое крестьян, у одного из них в руках была палка, которой он и ударил меня.

– Вставай, дьявольское отродье! И не вздумай выкинуть какой-нибудь свой ведьминский фокус! – он истоиво перекрестился.

Я с трудом поднялась, едва не вскрикнув от боли в занемевшем теле, ведь я всю ночь провела, скрючившись на дне колодца. Шатаясь, я прошла несколько шагов и упала в мокрую пахучую траву. Ноги меня не держали.

– Не прикидывайся! Я-то знаю, что ты вдесятеро сильнее любого мужчины! – новый удар, пришедшийся по ногам, заставил меня сжаться в тугой комок. Мне хотелось так и лежать, вдыхая ароматы земли и душистой травы у меня под щекой, но я заставила себя подняться.

– Куда мы идем?

Крестьянин хотел ответить, но другой одернул его.

– С ведьмами нельзя разговаривать! Она наведет на тебя порчу и заставит служить себе, а то и в животное какое обратит...

Я с удивлением посмотрела на него и почувствовала, как холодок страха расплзается по спине. Он верил в то, что говорил!

Украдкой, не поднимая головы, я огляделась. Мы шли по деревенской улице, но нам не встретилось ни одного человека. Меня втокнули в двери какого-то сарая. Сухая солома впиалась в мои босые ноги. Я наконец подняла голову.

Мы действительно были в сарае. Должно быть, еще утром сюда стащили широкие доски и сделали скамьи и помост. Теперь у стен сидели крестьяне. Я увидела суровые лица стариков, молодых любопытных крестьянок, жадные глаза мужчин. Вокруг сновали дети, матери изредка награждали их шлепками. Это напомнило мне ярмарку, но сегодня они собрались из-за меня! Страх овладевал мною все больше. Меня подтащили к столбу, и, хотя я отчаянно извивалась, пытаюсь высвободиться, грубые сильные руки застегнули на моей шее ошейник, тяжелая ржавая цепь волочилась за мной в пыли. Я с трудом поднялась.

На помост поднялся староста. Он крепко сжимал в руке потрепанную библию.

– В тяжелый час мы собрались здесь! – он обвел всех

взглядом. – Многие успели оплакать своих родных: братьев, детей, отцов и матерей... Нас всех постигла беда. Мор, унесший многих хороших людей! Мор, который наворожила эта проклятая ведьма! – он с ненавистью посмотрел на меня.

– Посмотрите на нее! Сатана дал ей красоту, чтобы она искушала ей мужчин! Но внутри она подобна сгнившему плоду! Не польстимся на ее облик и избавим мир от этой скверны!

Я в панике смотрела на собравшихся. Суровые лица, горящие безумием глаза! Они все сошли с ума! Внезапно я увидела Джона. Он был бледен, как смерть, в золотистых волосах запеклась кровь, его крепко держали под руки двое мужчин. Мы обменялись отчаянными взглядами. Несмотря на весь творящийся ужас, я почувствовала облегчение от того, что он жив и здесь, рядом. Хотя я понимала, что он ничем не сможет мне помочь.

– Вы не имеете права творить самосуд! Вызовите шерифа из Кранберри! – бедный Джон! Он все еще верил в силу разума! Я же видела, что они все одурманены и ослеплены злом!

– Ты околдован, Джон Риджвилл, этой ведьмой, и не понимаешь, что говоришь! Она помутила твой дух... – он повернулся ко мне.

– Признайся, что ты, ведьма, по наущению хозяина своего, Сатаны, наслала мор на нашу землю своей ворожкой!

– Вы сошли с ума! Я такая же ведьма, как любая другая

женщина здесь!

– На тебе клеймо Сатаны! Он оставил эти шрамы как метку, дабы мы могли отличить истинного христианина от слуг Дьявола! Посмотрите на нее, она упорствует в надежде, что ее хозяин поможет ей. Но тут, на освященной земле, он бессилен! Признайся, что околдовала своего мужа, что разговариваешь с мертвецами, и заманиваешь неприкаянные души в ад!

– Я молчала, парализованная ужасом, не зная, что ответить. Они хотят убить меня! Я знала это совершенно точно!

– Какая она ведьма! Посмотри на нее, старик! Она младше твоих дочерей! – Джон заговорил громче и толпа стихла. – Она недавно потеряла свою сестру и долго была больна. Мы приехали сюда, чтобы пожить спокойно и прийти в себя! Что она вам сделала? Разве она не была добра к вам? Не дала работу вашим женщинам? – он перевел взгляд на старосту. – Ты сам позвал меня к сыну, когда тот был уже при смерти! Вы виноваты, что не обратились ко мне раньше, медицина не всесильна! У моей жены хрупкое здоровье, и она многоперенесла за короткий срок! А теперь ты стоишь здесь и обвиняешь ее в колдовстве! А может, это ты служишь Сатане? Уж слишком хорошо ты знаешь все приметы его помощников! Вы все! Подумайте, на что он вас толкает! Что вы скажете в свое оправдание, когда здесь будет шериф и приставы из Лондона? Что мучали невинную больную девушку, вообразив себя Великой Инквизицией?

Люди молчали, стараясь не смотреть друг на друга и на нас с Джоном. Я перевела дыхание. Неужели этот кошмар закончился и Джон победил!

– Сними с моей жены ошейник! Мы сегодня уедем, и никто ничего не узнает о том, что вы натворили.

– Уедете? И натравите на нас шерифа! Нет, Джон Риджвилл! Разве вы не видите, как сильна эта ведьма! Она вселилась в нашего хозяина и едва всех не погубила! Мы не должны слушать ее лживых речей! Ибо сказано, что «ведьмы – суть злое дьявольское отродье, они крадут молоко, навлекают непогоду, насылают на людей порчу, силу в ногах отнимают, истязают детей в колыбели... понуждают людей к любви и соитию...» Мы как истинные христиане должны искоренить это поганое племя! Признайся! Тебе уже никто не поможет!

– Я не ведьма!

– Ты, проклятая колдунья, осквернила могилу моего сына! – выкрикнула жена старосты. – На освященную землю принесла проклятые цветы! Чертоцвет! Теперь душа его не упокоится!

– Я не знала... это просто цветы из нашего сада! Здесь нет никакого колдовства!

– Билл Тиддел говорит, что ты завлекала его по ночам, разгуливая голый по саду и разговаривая с мертвецами!

Я увидела того мужчину, который преследовал меня ночью. Он смотрел на меня тяжелым бессмысленным взгля-

дом.

– Она не ведьма! Она просто больна! – Джон, бедный мой Джон искренне верил, что я сумасшедшая!

Потом заговорила Сэлли Хэмиш, которую я рассчитала два дня назад. Неужели прошло только два дня! Она заметно смущалась и отводила от меня взгляд.

– Хозяйка ни разу не ходила в церковь! Вот какое дело! Она и мне запрещала святой крест носить! Однажды увидела меня с распятием, так и выгнала, вот какое дело! А сама близко не подошла, крест ее не пустил!

Я не выдержала и воскликнула:

– Она лжет!

– Так ты не признаешься? У каждой ведьмы есть знак, отличающий ее от людей, может, если мы найдем его, ты перестанешь упорствовать...

Я отчаянно заметалась, натягивая цепь, ошейник впился в шею. Скрюченные заскорузлые пальцы содрали с меня сорочку, шаря по моему телу, царапая, сжимая его до синяков! Я закричала и провалилась в небытие.

На мой восьмой день рождения родители привезли мне из Франции куклу. Она была в пышном платье с настоящими льняными волосами. Я спрятала свой подарок в укромном уголке в саду и упоенно играла с ней, когда меня нашла Сара. Она тут же потянула куклу к себе.

– Это мне подарили! – я еще не успела до конца насладиться новой игрушкой и не хотела ее отдавать. К тому же

Сара была старше и в кукол уже не играла.

– Не будь жадной! Ты же любишь меня? – вкрадчиво спросила Сара. Я вскинула на нее глаза. Она улыбалась гадкой улыбкой, и я послушно выпустила куклу из рук и только смотрела, как ее тонкие пальцы вертят ее во все стороны. Наконец она отдала ее назад и убежала в дом. Я посадила растрепанную куклу в траву, играть мне уже не хотелось...

Ледяная вода стекала по моему лицу, мокрые пряди волос прилипли к шее и обнаженным плечам. Я жадно вдыхала воздух. Я не умерла, я все еще была в сарае, как животное, привязанная на цепи. Возле меня стоял дюжий крестьянин с пустым ведром.

– Нельзя позволять ей оставаться в бессознательном состоянии. Это Дьявол дает ей отдых и новые силы! – старик чуть заметно кивнул нескольким женщинам и они двинулись ко мне. Сперва я не понимала, что они хотят сделать. Потом я увидела у них в руках портняжные иглы. Я закричала только тогда, когда они впились в мое тело.

Сестры

Я стояла в прохладном холле нашего лондонского дома и смотрела на Сару. Она была все такой же красивой и гордой, но что-то в ней неуловимо изменилось. Иногда она смотрела на меня так, как будто одна знала какой-то секрет.

– Экипаж трясло до самого Рагби-стрит, – сказала Сара, проходя в дом.

– Ты надолго? – она все время была в разъездах, и после моей свадьбы мы почти не виделись. Она загадочно улыбнулась.

– Думаю, я останусь на весь сезон. – Сара пристально посмотрела на меня. – Ты повзрослела за эти месяцы. Ты счастлива?

Я порывисто прижала руки к груди.

– Счастлива! Я даже не представляла, что возможно так любить друг друга, как мы с Джоном!

Она снисходительно улыбнулась мне, глубокие темные глаза странно блеснули.

Безумие было разлито вокруг меня, я чувствовала его. Люди, ослепленные собственной жестокостью и злобой, уже не ведали, что творили. Мои руки, крепко скрученные веревкой, кровоточили, болела каждая частичка израненного тела. Боль настолько ослепила меня, что временами я жаж-

дала смерти, которая должна была избавить меня от страданий, но она не приходила. Я стояла на коленях, судорожно вдыхая воздух горящими легкими в те минуты, когда меня за волосы не опускали лицом в чан с водой. Староста уже не требовал никаких признаний, они все равно решили, что я виновна, и теперь медленно убивали меня! Наконец мои мучители оставили меня в покое и бросили на солому. Остинки впивались мне в щеку, но этой мимолетной боли я уже не чувствовала. Мысленно я обращалась к Саре, ибо совсем скоро мы снова будем вместе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.